

11 января 2002 г.

Пешню Кондратьев так и не нашёл, моя была заперта в кирхе почему-то, а таскать шнековый ледобур на своей слабосильной спине я категорически был не намерен. В конце концов, идём только разведать обстановку, а если народ там есть – попросим продырявиться.

Мы доехали до кольца 19-го автобуса в Прибрежном (это район Голубых озёр, 13 километров всего от Калининграда) и пошагали не напрямик к заливу, а вдоль берега на запад, в сторону от Калининграда, мимо дач, сосновым лесом. Минусило, задувал ветерок, причём не западный или северо-западный, как обычно, а скорее северный.

Минут через сорок вышли к карьёру, вплотную примыкающему к заливу. У самого берега на льду карьера сидели человек пять и пытались поймать корюшку. Но корюшка не клевала. У одного только видели малюсенькую – с мизинец (а только таких здесь и ловят, это корюшка не морская, а местная, карьерная). И даже некто Василий, на которого Кондратьев очень рассчитывал, сегодня ещё ничего не поймал и продать нам ему было нечего.

Ничего не оставалось, как попытаться поймать корюшку самим, хотя для таких сикильдявок требовались не обычные корюшкинские крючки или блёсенки, а мелкие крючочки номером не выше третьего. У меня на одной удочке такой оказался. Я продолбил каблуком резинового сапога чуть схваченную льдом нестарую лунку и опустил туда снасть на глубину в метра два с половиной, наживив крючок кусочком щёчки судака, специально взятом из дому для этого Кондратьевым. Зимняя рыбалка началась!

И надо сказать, довольно скоро я увидел поклёвку – вполне нормальную: поплавок уверенно пошёл под воду. Я попытался подсечь, но даже не почувствовал ничего. И насадка оказалась целой. Больше поклёвок не было. Зато появились ещё рыбаки, и один из них закричал:

- Кому корюшку?

Кондратьев подскочил к нему:

- Почём?

- По четыре рубля.

- Давай десять шгук.

Итак, мы были с корюшкой. Теперь можно было двигать за судаком. И мы вышли на берег залива. А к этому времени ветер вообще развернулся на северо-восточный, восточный, усилился, понизилась температура, началась позёмка, если не пурга. Во всяком случае, видимости на заливе не было никакой в отличие от утра, когда мы разглядели отчётливые замёрзшие следы натопанной дороги в сторону труб Светловской ГРЭС, да и сами трубы были прекрасно видны. Теперь же и дорогу-то заметало несущимся снегом. Ветер прямо с ног валил. А у нас ни пшени, ни ледобура. Только что корюшка есть.

Но ветер как налетел, так и может стихнуть. По крайней мере, теоретически. И мы с Кондратьевым решили переждать непогоду, укрываясь от ветра под забором крайнего дачного участка. Мы болтали о том, о сём – ведь сколько лет уже не виделись! Как-то не пересекались наши пути во время моих последних редких визитов в Калининград.

Кондратьев по-прежнему работал в университете у Гречишкина, жил с первой своей женой Лимой, имел внуков от дочки Насти. Уже четвёртый год пенсионер по возрасту (он 38-го года рождения), сюда в Прибрежный за рубль приехал. А я – за четыре. Хоть и тоже пенсионер. Правда, северный. Не по возрасту ещё. Лицо у Жени

покрылось сеткой морщин, бородка седая, нос как был с горбинкой, так и остался, взгляд по-прежнему хитроватый, и курит всё так же.

Минут сорок мы прогуливались по дороге вдоль последнего дачного участка, но погода не улучшалась. И мы сдались – пошли в Прибрежный. Да ещё с прямой дороги сбились, поплутали, и даже в лес залезли, в сугробы, где я снегу в сапоги набрал. В результате вышли не на конечную остановку, у магазина, а на предпоследнюю, где желанного пива купить было негде.



Я в пургу на берегу Калининградского залива в Береговом, 2 января 2002 г.

Зато автобуса не пришлось долго ждать, и мы попили разливного пива уже в Калининграде, в забегаловке около университета, рядом с памятником Канту. Тут мне Кондратьев рассказал о последних годах жизни Гострема, когда его уже отовсюду выгнали, и в его же квартиру его не пускала жена Мартина (младшего сына). Этель к этому времени уехала в Финляндию к кому-то из старших детей, видимо, а Гострему визу не дали (как бывшему шпиону, предположительно). Гострем заколотил изнутри свою комнату в бывшей своей квартире, где он жил с семьёй Мартина, и лазил туда через лоджию, благо квартира на первом этаже.

Но и этот путь ему как-то перекрыли. Он жил какое-то время в одном из кабинетов Института океанологии, куда его пустил директор Пака, а потом и вовсе бомжевал по подъездам и лифтам, в том числе и в доме Кондратьева (где кафе «Космос» было, напротив кинотеатра «Заря», а дом Гострем недалеко отсюда на Леонова).

Кондратьев в конце концов обратился к местным властям, которые и пристроили несчастного профессора в один из областных домов престарелых (в Гурьевске, кажется), если не в психбольницу, где он и окончил свои дни. Вроде бы даже от побоев, следы которых якобы видел Кондратьев на его голове во время похорон.

А пока мы с Кондратьевым пили пиво, погода разгулялась. Ветер, хотя и задувал по-прежнему, разогнал напрочь всю облачность. Небо сияло ослепительной голубизной, свежий снег сверкал на солнце до рези в глазах. Видимость беспредельная! Не вернуться ли нам?

- Поздновато уже, - решили мы с Кондратьевым. – Может, завтра повторим?
Договорились вечером опять созвониться.

Дома я застал тёплую компанию с пришедшими гостями – Надеждой Тепенициной и Ниной Кореньковой. К пиву я добавил водки и вскоре отключился на

койке. Но с Кондратьевым вечером мы всё же созвонились и договорились встретиться в восемь утра на остановке у «Рубина», за эстакадным мостом, туда Таранов должен подойти с пешней, он рядом живёт.

Так и сделали.

В этот раз со мной Ваня отправился, сподобился ледобур поносить. Когда мы с Ваней подошли к назначенному месту, на остановке уже были Кондратьев и Таранов с ещё одним незнакомым мне мужиком, и ждали Хорюкова, тоже обещавшего быть. Давненько я с этими асами рыбной ловли не встречался! Хорюков, однако, задерживался, как, впрочем, и 19-й автобус. Мы их минут сорок прождали, в течение которых Таранов меня расспрашивал про мурманскую жизнь. Но вот появились сначала Хорюков, потом автобус (который не мог завестись от мороза), и мы отправились в Прибрежный, подбирая столпившийся на остановках народ.

Погода была фантастической для Калининграда: ясно, морозно (минус 8-10 градусов) и абсолютно безветрено. В Прибрежном мы опять начали с карьера, где Хорюков и Таранов хотели разжиться свежей корюшкой. Но там никого ещё не было, и компания Таранова решительно принялась долбить лунки, чтобы самим подловить корюшку. У нас же корюшка вчерашняя была, Кондратьев взял у Таранова пешню, и мы втроём двинулись по льду залива на трубы.

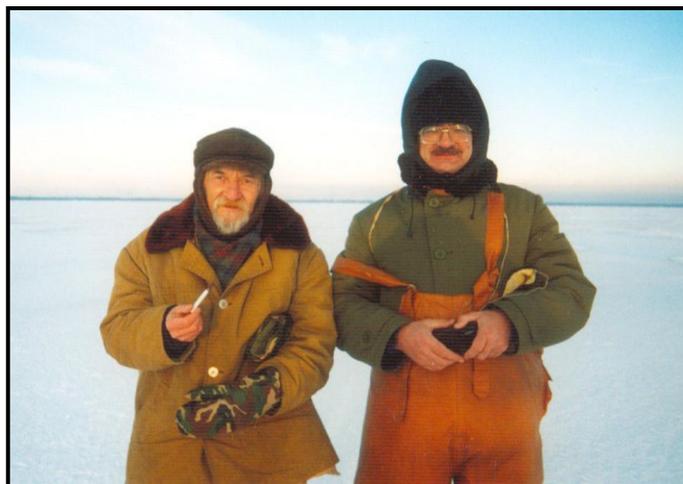
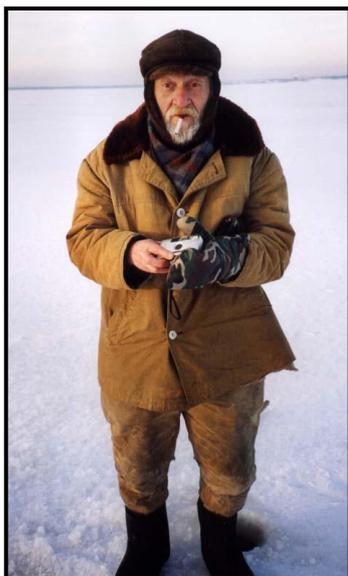
Не только погода, но и состояние льда было идеальное. Идёшь как по асфальту: поверхность льда не зеркальная, а шершавая, покрытая тонким слоем мёрзлого снега. Ноги и не скользят, и в снеге не вязнут. Давно так не ходил. Солнце встаёт. Красота!

Таранов рекомендовал нам ловить на расстоянии в час двадцать минут ходьбы на трубы. Мы шли примерно час десять, но поскольку шли быстрее обычного, как раз на нужные места и вышли, даже дальше основного массива старых лунок остановились. Продолбились (Кондратьев) – пробурились (мы с Ваней). Толщина льда – сантиметров двадцать пять, из них верхние десять – твёрдые, промерзшие, а нижние – рыхлые, пропитанные водой.

Нацепили корюшку на блёсны. Выяснилось, что корюшка держится очень плохо, разваливается. Похоже, что мужик нам вчера продал несвежую корюшку. Но что же теперь делать? Какая есть. Кондратьев рекомендовал корюшку проволокой тонкой подвязывать к крючку блесны, у него специально для этого проволока имеется. Так и сделали. И начали блеснить.

А солнце тем временем поднималось всё выше (у нас то оно в это время вообще из-за горизонта не показывается), и освещение становилось всё более весенним, мартовским. Вот только мороз не ослабевал, а, наоборот, крепчал, и у меня начали мёрзнуть ноги в резиновых сапогах. Пришлось прыгать и бегать, чтобы их согреть. У Вани в рюкзаке были валенки с собой, но ему было лень переодеваться, и он топтался у лунок в зимних ботинках.





Кондратьев, я и Ваня на льду Калининградского залива, 3 января 2002 г.

Всё было великолепно, невзирая даже на мороз, за исключением главного: не было поклёвок. Ни у кого. Кондратьев и место сменил, ещё метров на сто вперёд продвинулся. Но без результата.

Уже и время обеденное наступило. Странно было, что Хорюков с Тарановым не появились, при такой видимости они нас без труда бы нашли. Кроме нас ещё человек десять было рассеяно метрах в двухстах позади и левее (то есть западнее) нас, и тоже без признаков активного лова.

Ваня подошёл ко мне и сказал, что хочет сходить посмотреть, что там у народа делается. В этот самый момент я почувствовал, как кто-то «царапнул» мою блесну. Поклёвка? Вытаскиваю блесну, корюшка на ней ободрана. Похоже, что поклёвка. Насаживаю ещё кусок корюшки и начинаю усиленно блеснить, а Ваня бросается к своим лункам. Но развития ситуация не получает. Опять глухо.

Наконец, где-то около трёх часов Кондратьев выхватил судачка. Небольшого. На грани дозволенного (то есть не менее сорока сантиметров от кончика носа до основания хвоста). А у нас с Ваней ничего. И поклёвок нет. В корюшке дело, наверное. Запаха того нет, как у свежей, – выдвигаем гипотезу мы. А уже пора думать о возвращении. Последний вечер ведь у меня сегодня с детьми и внуками. И солнце садится. Зимний день-то и здесь короткий.

Но вдруг – опять! Кто-то слегка цапнул по блесне, но не засёкся. Вытаскиваю блесну – голова у корюшки откушена. Поправляю остаток корюшки и опускаю блесну в лунку. Пара движений и – хоп! Есть! Вылетел дурачок на лёд, тоже небольшой, меньше килограмма, но покрупнее всё же, чем у Кондратьева.

Ладно, и то хорошо. Не пустые вернёмся. Какой-никакой, а судак пойман! И совесть моя чиста: не просто отметил на заливе, а сделал всё, что мог – прошагал положенное, помёрз, поблеснил, и добился-таки своего. Была бы ещё корюшка, можно было бы и ещё попытать счастья, но корюшек мы всех измочалили при блеснении. У Кондратьева ещё что-то оставалось на блёснах, и он упорно продолжал махать своими удочками. А мы с Ваней попрощались с ним, собрали свои вещички и рванули к берегу.

Когда дошли до него, уже и стемнело. На берегу нас спрашивали про обстановку на заливе любители, специально приехавшие её разведать. От них мы узнали, что корюшка на карьере сегодня абсолютно не ловилась. Потому-то, наверное, Таранов с Хорюковым так и не появились на заливе.



Я с судаком, 3 января 2002 г.

А в Калининграде так обледенели дороги и тротуары, что я еле до дому добрался, не грохнувшись, в своих резиновых сапогах с гладкими (от времени) подошвами. Митя был в гостях у Жени Богданова, который когда-то угодил ногой мне в заднее колесо велосипеда, едучи у меня на багажнике с футбольной секции. Теперь он в прокуратуре работает. Районный прокурор где-то в области.

Судак мой никого из домашних не поразил, но всё же явился оправданием моего отсутствия. Мы распили с Иваном (а вскоре и Митя подошёл) очередную бутылку водки, Сашуля с Ириной допили двухлитровую бутылку красного сухого венгерского вина. Мои калининградские каникулы кончились.

Самолёт мой улетал утром. До автовокзала меня провожал Митя. Погода опять переменилась. Потеплело, дул неслабый западный ветер. Я намеревался идти пешком через эстакадный мост, но Митя потащил меня на остановку транспорта на Ленинском проспекте, не взирая на мои протесты. Был седьмой час утра, но транспорт, как я и ожидал, не циркулировал. Пришлось на такси ехать.

- Ну, как ты Михаила нашёл? – спросил меня Митя.

- В смысле?

- В смысле умственного, и духовного развития...

Я задумался.

- Нормально. Книжки про Наполеона себе покупает, интересуется. Это уже что-то.

Но Мите это явно не казалось большим достижением.

- Ему бы в Германию съездить, денег подзаработать. Посмотреть цивилизованный мир.

- Посоветуй ему.

- С ним не очень поконтактируешь.

- Да. Это проблема. Но естественная.

Мне Михаил на мой вопрос – куда поступать думаешь – ответил, не задумываясь: в КГУ, на радиофизику. Определился, значит, уже. Тоже хорошо. И с Алексеем они практически не конфликтуют. Так что вроде бы всё нормально с внуками. Тем более что у них такой дядюшка Митя есть, бородатый мой сынуля, которого их развитие беспокоит.